

**Ю.С.Степанов,
В.З.Демьянков***

О лингвистических проектах, поддерживаемых РГНФ

Все поступающие в Фонд заявки на гранты по языкознанию рассматриваются лингвистической секцией Экспертного совета по филологии и искусствоведению РГНФ. Не случайно поэтому, что в результате многолетних наблюдений над прохождением лингвистических заявок в этой секции выявляются некоторые соотношения, связанные не только с положением дел в нашем языкознании, но и с социологией гуманитарной науки в целом, с научной и научно-художественной жизнью в современной России.

Рассматривая проекты и оценивая результаты работы по ним, мы опираемся на представления экспертов о том, насколько каждый проект актуален и адекватен (как по предлагаемым в нем научным методам, так и по средствам) самому объекту исследования. В этом соотношении непостоянны и представления о текущем состоянии нашей науки, и сам меняющийся объект.

Однако смена «парадигм» во взглядах на язык определенным образом мотивирована самим объективным семиотическим устройством главного объекта лингвистов — языка. В начале XXI в. мы можем констатировать постоянно растущий интерес к языку как части внутреннего мира человека, предопределяющего его как практическую, так и художественную деятельность. Сегодня наиболее актуальным представляется тот прагматический (или «дектический») ракурс описания языка и речи, который позволяет предсказать и объяснить речевое поведение каждого отдельного человека как личности, локализованной в материальном пространстве и обществе. Истоки этой идеи (Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985) лежат в искусстве, лингвисты (часто неосознанно) стремятся реализовать этот подход в своей каждодневной исследовательской практике, тем самым предопределяя меры ценностей в современном языкознании. Отсюда — высокий спрос на исследование концептов, реализованных в конкретных языках и образующих то, что сегодня часто, в более узком и специальном смысле называют языковой картиной мира или, точнее, картиной человека в современном мире.

Есть и еще один социологически важный фактор — относительная ак-

* Степанов Юрий Сергеевич — академик, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, председатель Экспертного совета по филологии и искусствоведению Российского гуманитарного научного фонда (в 2000—2003 гг.).

Демьянков Валерий Закиевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ им. М.В.Ломоносова, координатор секции языкознания Экспертного совета по филологии и искусствоведению Российского гуманитарного научного фонда.

тивность ученых, их готовность и желание участвовать в конкурсе, «дух соревновательности».

Абсолютная и относительная активность лингвистов

Как известно, количество квот, выделяемых каждый год на финансовую поддержку лингвистических проектов, зависит от того, какую часть в общем количестве заявок по гуманитарным дисциплинам (в частности, по филологии и искусствоведению) составляют лингвистические заявки. Чем больше подано заявок по языкознанию, тем больше возможностей у Фонда поддержать именно лингвистические работы. Соотношение количества поданных и удовлетворенных заявок дает возможность судить об относительной активности лингвистов по сравнению с литературоведами и искусствоведами.

На протяжении всего времени существования РГНФ по относительной активности лингвисты уступали литературоведам, но превосходили искусствоведов. Связано это обстоятельство не в последнюю очередь с количеством специалистов в этих областях, работающих в академических НИИ и вузах. Возможно, сказывается здесь и степень востребованности лингвистических исследований в современном российском обществе.

Так, по **исследовательским** грантам в 1999 г. из 153 заявок секция имела возможность поддержать 32 (т.е. 21%); этот год был для лингвистов одним из наименее «урожайных». Ведь в 2000 г. из 128 заявок были поддержаны уже 57 (т.е. 44% — до сих пор эта цифра остается рекордом относительной активности лингвистов); примерно такое же положение было в 2001 г. (из 134 заявок поддержаны 54, т.е. 40%), в 2002 г. (из 173 поддержаны 63, т.е. 36%) и в 2003 г. (из 182 заявок удовлетворены 53, т.е. 29%). Абсолютная активность лингвистов в эти годы повышается, а относительная остается постоянной или незначительно снижается: это говорит о том, что возрастает научная активность всех гуманитариев, а лингвисты в этом отношении типичны, т.е. они не рекордсмены, но и не отстающие (не «слабое звено»). Однако в 2004 г. из 211 заявок удовлетворены 70 (33%), резко выросла абсолютная активность лингвистов и вновь пошла вверх относительная активность.

Сравним эти данные с активностью в подаче **издательских** заявок за последние пять лет. Можем выделить два «пика» абсолютной активности: 2000 г. (поданы 90 заявок, поддержаны 50, т.е. 55,5%) и 2004 г. (подана 101 заявка, удовлетворены 54, т.е. 53%). На эти же годы приходятся и пики относительной активности (для сравнения: в 2001 г. поданы 58 заявок, удовлетворены 30, т.е. 52%), а пик относительной «пассивности» был в 1999 г. (из 81 заявки удовлетворены 22, т.е. 27%). Сравнительно низкой была относительная активность в 2003 г. (из 86 заявок удовлетворены 30, т.е. 35%); в остальные годы сохранилось примерно одинаковое соотношение (например, в 2002 г. из 84 заявок поддержаны 44, т.е. 52%).

Что касается участия лингвистов в научных симпозиумах и конференциях за рубежом, то здесь относительная активность все время была примерно постоянной: не получала поддержки треть заявок. Только в 2003 г. из-за огромного числа поданных заявок конкурс лингвистических грантов был значительно выше, чем в предыдущие: Фонд поддержал только треть из поданных заявок.

Исследовательские проекты и участие в международных научных мероприятиях

Проанализируем результаты конкурсов по таким параметрам, как место работы исследователей (вуз или НИИ) и регион проживания. Так, в 2003 г. сотрудники столичных НИИ получили 25 исследовательских грантов, преподаватели московских вузов — 3 гранта; сотрудники Санкт-Петербургских НИИ — 9 грантов, преподаватели Санкт-Петербургских вузов — 2; наконец, за пределами Москвы и Санкт-Петербурга сотрудники НИИ получили 2 гранта, а преподаватели вузов — 3. В то же время по грантам на участие в международных симпозиумах картина в 2000 г. была такой: московские ученые из НИИ получили 24 гранта, преподаватели вузов — 7; Санкт-Петербургские исследователи из НИИ получили 1 грант, а преподаватели вузов — 2; наконец, сотрудники НИИ за пределами этих двух городов получили 2 гранта, а преподаватели вузов — 6.

Выскажем несколько предположений, объясняющих эту статистику.

1. Финансовая поддержка наших ученых для участия в международных конференциях приводит к увеличению числа качественных исследовательских проектов в последующем году.

2. В наибольшей степени этот закон справедлив для НИИ: у них соотношение количества поездок с поддержанными впоследствии исследовательскими проектами 1 : 1. У вузов же это отношение другое: на каждое поддерживаемое исследование приходится две поездки в предыдущем году. Действительно, вузовские работники — типичные спринтеры: им гораздо привычнее выступать устно, чем осуществлять многолетнее исследование.

3. Исключение составляют Санкт-Петербургские НИИ и вузы: наши Санкт-Петербургские коллеги из академических институтов предпочитают спокойное исследование дома, они гораздо реже, чем ожидалось бы, подают заявки и получают поддержку для участия в международных конференциях. Возможно, сказывается старый идеал несуетливого и нечестолюбивого фундаментального исследователя нашей северной столицы. В то же время Санкт-Петербургские вузовские коллеги в два раза (против ожидаемого) более активны в своих поездках по миру: степень этой активности у них такая же, как у сотрудников московских и периферийных НИИ.

Вузовская и академическая наука

Дополняя то, что сказано о соотношении заявок из вузов и академических институтов, отметим следующее.

В своей совокупности количество заявок, поступивших из академических институтов и ведущих вузов по исследовательским и издательским проектам, примерно равно. Однако «совокупная удачливость» академических институтов в получении грантов несколько выше, чем удачливость вузов. Например, в 2000 г. поддержаны примерно 60% заявок от общего числа институтских издательских проектов и около 50% исследовательских; в 2004 г. поддержаны 6 из 11 проектов, поданных учеными МГУ, 7 из 11 — от ученых Института языкознания РАН и т.д.

К лидерам среди академических институтов, подавших наибольшее количество заявок на исследовательские проекты, относятся Институт русского

языка им. В.В.Виноградова (в 2000 г. из 16 заявок поддержаны 9, т.е. 56%; в 2004 г. — из 9 проектов поддержаны 5, т.е. 56%), Институт лингвистических исследований (в 2000 г. из 13 поддержаны 7, т.е. 54%; в 2004 г. из 5 поддержаны 2, т.е. 40%), Институт славяноведения и балканистики (в 2000 г. соотношение было 7 : 4, т.е. 57%; в 2004 г. — 4 : 2, т.е. 50%), Институт языкознания (в 2000 г. — 6 : 5, т.е. 83%, в 2004 г. — 11 : 7, т.е. 64%), ИФЛ ОИИФ_{иФ} СО РАН (в 2000 г. 5 : 2, т.е. 40%; в 2004 г. — 9 : 2, т.е. 22%).

Среди вузов лидером по заявкам на исследовательские проекты является МГУ им. М.В.Ломоносова: в 2000 г. — 4 заявки, из которых поддержаны 3 (75%); в 2004 г. — 11, поддержаны 6 (54%). Остальные вузы (как московские, так и за пределами Москвы) постоянно приближаются к этому результату, но не достигают его: от СПбГУ поддержано 22% заявок, от РПГУ — 14%, от РГГУ — 50%.

Иначе говоря, если в конце предыдущего тысячелетия был один лидер-вуз, то сегодня резко повысилась активность других вузов нашей страны. Перераспределение поддержанных проектов среди академических институтов объяснимо сегодня и возросшей активностью вузов, и более высоким уровнем заявок, подаваемых вузовскими учеными. Не в последнюю очередь сказывается и навык «командной» игры исследователей из НИИ и вузов: «удачливые» институты и вузы научились лучше чувствовать научный климат, оценивать свои возможности на фоне современной актуальной проблематики в языкознании. Финансовое положение (у вузовских ученых оно лучше, чем у сотрудников академических НИИ) и большая педагогическая нагрузка — факторы, предопределяющие соотношение сил в вузовской и академической науке.

Российское языкознание в Москве и за ее пределами

Московские ученые, как видим, по активности и успешности постоянно опережают ученых из других городов. Так, в конкурсе 2004 г. по исследовательским проектам 11 грантов получили вузы Москвы и 15 — академические институты Москвы; Санкт-петербургские вузы получили 2 гранта, а академические институты — 3; на долю вузов из остальных городов приходится всего 5 грантов, а на долю НИИ из других городов — 9.

Учитывая различные факторы, о которых говорилось выше, можем предположить, что успешность заявок академических ученых столицы значительно выше, чем у ученых из остальных учреждений других регионов России, именно потому, что москвичи намного активнее участвуют в наших конкурсах РГНФ, чем ученые других городов. По научному же уровню заявки, поступающие от нестоличных ученых, не уступают московским. Поэтому проекты исследователей из Санкт-Петербурга, а также из Сибири, с Урала и Дальнего Востока имеют все шансы уже в ближайшем будущем стать не менее успешными, чем московские.